

Почему история — плохой учитель?

Блюхер Ф. Н.,

к. ф. н., в. н. с. Института философии РАН,
руководитель сектора философских проблем
социальных и гуманитарных наук,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
obluher@gmail.com

Аннотация: В статье последовательно рассматриваются логические, онтологические, социальные, политические и этические основания использования науки истории как назидательного обучающего материала. Показано, что в каждой из перечисленных дисциплин при использовании исторического материала возникают специфические противоречия, которые не позволяют сделать на основе этого материала однозначный вывод, тем самым снижая научный потенциал вышеперечисленных дисциплин.

Ключевые слова: история, логика, онтология, социология, политология, этика.

История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

Ключевский В. О. Энциклопедия мудрости

На вопрос в заглавии мы можем сразу дать ответ. История — плохой учитель, потому что она указывает нам на наши ошибки, но ничего не говорит о том, что нужно делать для того, чтобы их избежать. Отсюда вытекают сразу несколько следствий.

Логические следствия

Оставаясь в рамках классической логики, мы должны воспользоваться таким инструментом, как логический квадрат. Сначала рассмотрим субконтрарные и контрарные отношения. При этом у нас есть методологический выбор. Мы можем согласиться с баденцами и любое событие истории считать уникальным, а можем, вслед за историками, исходить из того, что события по большей части повторяются, и из них можно сформулировать некое общее высказывание. В первом случае полученные высказывания о любом историческом событии могут быть взаимно истинными, и следовательно, никакого урока из произошедшего мы извлечь не можем. Другое дело, что тезис об уникальности исторических событий ставит под сомнение не только факт возможности применить к ним оценку «истинности» и «ложности», но и выделение

самого факта «события», потому что никаких внешних временных границ, обозначающих окончание некоего исторического периода, не существует. Поэтому, переходя ко второму, нам приходится выделять в истории повторяемость и либо сразу рассматривать историческое событие как одно из рода, подпадающее под определенные видовые признаки, либо, признавая некоторую уникальность каждого события, моделировать противоположное высказывание, оперируя квантором всеобщности. Если мы каждое историческое событие рассматриваем как частный случай некоего общего высказывания, то должны согласиться, что контрарные отношения могут быть между взаимно ложными высказываниями. Так, в конце XIX века в российских исторических сочинениях общим местом было объяснение присоединения Польши к Российской империи как результат политического неустройства такого государственного образования, как Речь Посполитая. Через 100 с лишним лет этот аргумент смотрится исключительно как анахронизм. Понятно, что ни республиканская форма правления, ни имперская не является панацеей, как при прогрессивном, так и при регрессивном развитии страны и государства.

Если контрарные и субконтрарные отношения не могут служить нам надежным инструментом в исторических рассуждениях, нам поневоле остается перейти к отношениям подчинения и контрадикторности. Но если мы это делаем, то должны учитывать введение категорий «ложности» и «истинности» конкретного высказывания о единичном историческом событии. И сразу столкнуться с логическим неравновесием «истины» и «лжи». Так, высказывание об «истинности» любого единичного исторического события не может быть логическим подтверждением «истинности» как общеутвердительного, так и общеотрицательного высказывания. Например, успешно проведенные под руководством генералиссимуса Сталина военные операции заключительного этапа Второй мировой войны не являются неоспоримым свидетельством его таланта полководца. Равно как и военная катастрофа 1941–1942 годов не может считаться подтверждением полной несостоятельности товарища Сталина как руководителя «колосса на глиняных ногах».

Если мы внимательнее присмотримся к форме суждений, которыми оперируют в логическом квадрате, то увидим, что любое суждение в нем формулируется вокруг глагола «существовать» в настоящем времени. А исторические суждения возникают с использованием того же самого глагола, но стоящего в прошедшем времени. Следовательно, мы должны предположить, что субъект и предикат суждения, которым мы оперируем в историческом высказывании, все то время, на которое распространяется действие нашего суждения, остаются неизменными. Но последнее, по всей видимости, невозможно — слишком коротким, с точки зрения истории, является промежуток времени, который занимает действие конкретного человека; слишком быстро меняются условия, в которых происходят его действия. Но в соответствии с обобщением опыта, полученного в результате действия, описанного в предыдущем предложении, должен измениться и субъект исторического высказывания. И если мы готовы сказать, что не можем однозначно положительно или отрицательно оценить правление Ивана IV или Петра I в развитии нашей страны, то ровно с такими же критериями нам приходится относиться и к товарищам Сталину, Брежневу, Горбачеву и Ельцину.

Онтологическое следствие

Если логическое рассуждение — плохой помощник в историческом исследовании, то, видимо, следует обратиться к другим конкретным наукам, чтобы на основании их законов мы могли успешно руководствоваться историческим опытом. При этом довольно быстро выясняется, что большинство законов в социальных науках, например, экономике, на которые мы ссылаемся, есть обобщение закономерностей, которые произошли в прошлом. Это прошлое включает в себя разные периоды времени. И это различие между периодами значительно зависит от способа существования людей. Понятно, что астрономическое время (например, смена времен года) должно учитываться социумом для успешности существования. Так, возникновение лунного календаря у арабов и солнечного у египтян, скорее всего, связано с непосредственными условиями существования людей в знойных песках Аравии или на берегах меняющегося в разливы Нила. Но развитие технологий может изменить условие существования социумов и даже определять эпохи этого существования. Нам совершенно очевидно, что стоит за словами «эпоха книгопечатания» или «эпоха пара», не говоря уже о различии эпох тяжелого машиностроения или цифровых технологий. Отсюда следует, что отрицательная оценка любого исторического события уместна исключительно в отношении того исторического периода, к которому оно относится. Что конкретно мы отрицаем: решение исторического деятеля, событие, исторический период или эпоху? Аристотель считал, что состояние рабства может быть естественным свойством человека. Но о каком рабстве идет речь: племенном, афинском, эллинистическом или античном? Каждый раз при уточнении содержания понятия у нас возникают не только разные объемы этого понятия, но и, в зависимости от исторической правовой практики отношения общества к рабовладению (убийство хозяином своего раба по законам Драконта каралось смертью), изменяет наше сегодняшнее отношение к проблеме исторического рабства. Однако если мы судим об историческом событии, то существенно важен не только исторический период, в который произошло это событие, но и момент истории, непосредственно связанный с событием.

Ведь если история — не более чем череда исторических событий, то скорость, с которой они сменяют друг друга, также оказывает влияние на наше отношение к тому, что мы называем «логикой истории». При медленном прогрессивном развитии исторического субъекта понятие «логика истории» означает, что в исторической неопределенности можно обнаружить некоторую необходимость (укрепление государственной власти, развитие промышленности, становление экономики и финансового рынка, развитие гражданского общества). При этом «логика истории» работает как надличностная коррекция рационального поведения индивида при переходе в оценках ее результатов от индивидуального масштаба к массовому [см. Блюхер Ф. Н. 2019].

С другой стороны, при регрессивных периодах кризиса и распада институтов общественного устройства сами события конституируют некоторую историческую реальность. Понятие причины локализуется и плюрализуется. Она перестает быть производящим и объясняющим принципом события, но становится локальным элементом.

Вслед за этим трансформации подвергается и историческая логика. В каждой точке пространства может быть инфинитезимально введена логика истории. «Во множестве таких элементов существуют взаимосвязи, и для их учета вводится понятие «малые причинные ряды» [Хоружий С. С. 2019].

Если мы хотим локализовать историческое событие, то в рамках категориального конструктивизма должны ограничить его причинно или хотя бы темпорально. Но изложенное выше показывает, что осуществить это непросто. Как с точки зрения категорий причинности, так и с точки зрения последовательностей временных отрезков у нас отсутствуют четкие критерии границ исторического события. Но если мы не можем локализовать само событие, то тем более непонятно, к какому именно временному процессу или причинному ряду относится отрицание нашей оценки данного события. Кто виноват в нашем сегодняшнем состоянии: Путин, Ельцин, Горбачев, Сталин, Ленин, Николай II, Романовы, Иван Грозный, монголо-татарское иго, или мы сами, или всеобщая русофобия? Но раз не определены границы события, то тем более не определен и объем его отрицания. Ведь чтобы не повторять ошибок, нужно хотя бы понять, в чем именно эти ошибки заключается.

Социальное следствие

Собственно говоря, если нас интересует История, то это всегда история общества. А историю общества невозможно объяснить без понятия отчуждения. Понятно, что находясь в моменте истории, мы имеем дело с определенным этапом общественного развития, который отражает конкретные характеристики развития государства, общества и культуры. Возникает вопрос: откуда взялись все эти результаты и продукты общественного развития, как не из самого общества? Под отчуждением будем понимать возникновение механизмов самосознания, социального контроля и развития общества, законы которого действуют независимо от человека и противостоят ему. Но у разных социальных образований (цивилизации, государства, общества, культуры) может быть разное время развития и разные стадии отчуждения, и проблемы, которые при этом возникают (например, слабая цивилизация и великая культура или сильное государство и слабое гражданское общество), решаются через принятие конкретных решений в конкретной обстановке. Так, отмена крепостного права в России в 1861 году была существенным цивилизационным шагом в развитии страны, но некоторые особенности этого решения спровоцировали польское восстание в западных губерниях Российской империи 1863–1864 годов. Подавление восстания привело к усилению великорусского национализма в государстве и, по существу, к утрате культурной и социальной автономии польского населения империи. Это показывает, что общество — сложное, в какой-то степени целостное образование. Не организм, потому что его части могут существовать и функционировать независимо друг от друга (военная мощь государства не обязательно сопрягается с развитием культуры), но и не механизм, потому что прямые механические законы в нем действуют плохо (степень эффективности государственной политики не пропорциональна ни сладости пряника, ни жесткости кнута). Причем степень целостности у различных частей общества разная. Следовательно, к нему применим синхронный и диахронный анализ. Хотя в социумах действуют более или менее одинаковые

закономерности, действовать они могут по-разному, и на каждом из этапов истории в них может быть свой локальный смысл. Например, проводя исторические компаративистские исследования европейских государств, историки выявили сильное расхождение между количественными параметрами исторических процессов в государствах континентальной Европы и в Англии. Этот факт стал основанием для шуточного высказывания: «Историки давно догадывались, что Англия — не Европа». По большому счету, мы имеем общество обществ и историю историй. Поэтому мы не можем сказать, что отрицание какого-то одного исторического события обязательно окажет влияние на дальнейшее развитие этого самого общества, потому что само общество за прошедшее после события время могло существенно измениться. Так, вполне очевидно, что советское общество в 30-х и в 80-х годах XX века существенно изменилось, и социальные правила, которые действовали в первой половине века, во второй половине того же века смотрелись как анахронизм.

Для людей, которые работают непосредственно с реальностью, основанной на истории быстроизменяющихся событий, профессиональных биржевых игроков, очевидно, что как только какая-то из эмпирических экономических закономерностей движения на рынке акций описывается в экономической науке, она тут же перестает работать.

Политическое следствие

Если мы заговорили о социальных следствиях при изучении истории, то с необходимостью должны перейти к политическим, потому что нет социального без политического [см. Блюхер Ф. Н., Гурко С. Л. 2012. С. 87–103]. С политикой непосредственно связан вопрос о власти. Власть конкретизируется в двух понятиях — подчинения и управления, но в зависимости от формы социального она наполняется разным содержанием. Признание родительской власти в семье и подчинение ей происходит от естественной несамостоятельности ребенка, ребенок не может выжить без заботы взрослых и не может стать человеком без передачи ему человеческой культуры. А без государства человек прожить может, поэтому подчинение в государстве следует другой логике. И главным здесь, как нам представляется, является возможность передачи или делегирования символического значения власти. Татарский ярлык, мундир, воинское звание, табель о рангах — не что иное, как наглядный образец властных полномочий. Чтобы власть функционировала в масштабах государства, она должна создать иерархию символических значений и увязать знание о степени подчинения с этой иерархией. Укрепление власти означает ее бюрократизацию. Но здесь же находится проблема совмещения укрепления властных полномочий и эффективной управляемости обществом. Хорошее управление и подчинение власти социумом, не превышающим число Данбара (120–280 чел.), не означает, что та же эффективность сохранится при переносе ее на более широкий социум. Система управления большим социумом оказывается сложна, и не факт, что смена человека в управлении приведет к смене политики или изменению в системе власти. Это особенно наглядно видно в отсутствие позитивной повестки у политической оппозиции в современной России. Лозунг «лишь бы не Путин» может привести в конечном счете к власти еще более авторитарную фигуру. Смена фигур у власти может не означать смену власти.

Духовное следствие

Возможно, что я не совсем точно использую здесь слово «духовное», но представим, что им мы обозначаем все, что относится к сфере ценностей и целей человеческой жизни. Проблема начинается с того, что у каждого человека есть своя история. Собственно говоря, он **знает** историю (страны, деревни, семьи), потому что она у него есть, и поэтому воспринимает ее в смысле рассказа по аналогии с собой [см. Рикер П. 1998]. Но в этом нарративе содержится то, что может привести к ошибке.

Человек знает, что он существует во времени, и все временные моменты его жизни относятся непосредственно к нему единственному. Его память из единственности его жизни репродуцирует единство его как личности. И вполне естественно, что с достижением определенного возраста и самостоятельности возникает уверенность, что этим единством личности управляет разум. Однако память не только запоминает, она и забывает целый ряд событий, а иногда и целые периоды жизни. Человек не рождается разумным и долгое время существует не самостоятельно, а благодаря старшим в племени, общине, семье, в каком-то социальном образовании, где его собственный разум не участвует в принятии решений. Человек **становится** разумным, т. е. аристотелевская категория «чтойности» вполне уместна при анализе человека. Но в процессе приобретения атрибута разумности через обучение и приобретение личного опыта он не теряет своей единственности. Поэтому передача своего личного опыта другому человеку невозможна. Человек учится исключительно на своих собственных ошибках, на своей собственной истории. Именно отсюда и возникает смысл фразы: «история — учитель», хотя точнее было бы сказать, что «каждый учится на своей собственной истории ошибок».

А вот единственность нашей личности или, еще точнее, ее целостность сильно преувеличена. Даже на уровне организма человека могут действовать компенсаторные механизмы, что уж говорить о психологическом или духовном единстве. Можно смело утверждать, что единство человеческой личности — это большая проблема всего гуманитарного познания. А парадокс человека заключается в следующем: чтобы существовать, он вынужден присваивать себе хоть какое-то решение этой проблемы. И, будучи существом историческим, он придает этой своей иллюзии трансцендентальный статус в отношении ко всей окружающей его истории. Жаден разум человека, легко переходит он от событий незначительных к самым широким обобщениям.

Вывод

Все перечисленные нами дисциплины — логика, онтология, социальные и политические исследования, этика — используются нами для того, чтобы мы могли извлечь из истории какие-то уроки. Каждая из них претендует на то, что с ее помощью мы достигнем истинного знания, хотя бы о том, чего не нужно делать. Ключевский был прав: история — не учитель, скорее, это спор в учительской по поводу того, чему нужно учить. К сожалению, нужно признать, что и мы, не самые образованные люди, являемся участниками этого спора, потому что считаем себя разумными и духовными. Поэтому нам

остается только согласиться даже не с профессиональным историком, а с более тонким исследователем человеческой души — писателем. «Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков» (Бернард Шоу).

Литература

1. Блюхер Ф. Н. Мифология как аспект исторического знания // Vox. Философский журнал. — 2019. № 27. Электронный ресурс: <https://vox-journal.org/content/Vox%2027/Vox-27-6-Bluher.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).
2. Блюхер Ф. Н., Гурко С. Л. Идеологические формы политической борьбы // Философский журнал | Philosophy Journal. — 2012. Т. № 2(9). — С. 87–103.
3. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с.
4. Хоружий С. С. О плюрализме исторических логик // Vox. Философский журнал. — 2019. № 27. Электронный ресурс: <https://vox-journal.org/content/Vox%2027/Vox-27-7-Horuji.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).

References

1. Blucher F. *Mifologiya kak aspekt istoricheskogo znaniya* [Mythology as an aspect of historical knowledge]. Vox. Philosophical Journal, 2019, no. 27. URL: [<https://vox-journal.org/content/Vox%2027/Vox-27-6-Bluher.pdf>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)
2. Blucher F., Gurko S. *Ideologicheskiye formy politicheskoy bor'by* [Ideological forms of political struggle]. Philosophy Journal, 2012, vol. 2, no. 9, pp. 87–103. (In Russian.)
3. Ricoeur P. *Temps et Recit*. Editions du Seuil, 1985.
4. Horujy S. *O plyuralizme istoricheskikh logic* [On the pluralism of historical logics]. Vox. Philosophical Journal, 2019, no. 27. URL: [<https://vox-journal.org/content/Vox%2027/Vox-27-7-Horuji.pdf>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

Why is history a bad teacher?

Blucher F. N.,

Head of the Department of Philosophical Problems
of Social and Human Sciences Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
obluher@gmail.com

Abstract: The article consistently examines the logical, ontological, social, political and ethical grounds for using the science of history as an edifying teaching material. It is shown that in each of the listed disciplines, when using historical material, specific contradictions arise that do not allow making an unambiguous conclusion on the basis of this material, thereby reducing the scientific potential of the above disciplines.

Keywords: history, logic, ontology, sociology, political science, ethics.